

Борис...“

или О чем мечтает Клаудио Аббадо

Окно в Европу (прил. к газ. Мариинского театр). — 1993. — 1-й кн. (№ 1). — 8 с.

Клаудио Аббадо, великий итальянский маэстро, которого нередко называют "наследником Караяна" (в том числе и потому, что после смерти "короля дирижеров" именно Аббадо предложили возглавить знаменитый Берлинский филармонический), спустя полтора года вновь приехал в Петербург. Приехал вместе с созданным им семь лет назад международным молодежным симфоническим оркестром имени Густава Малера. Всего один концерт в Большом зале Филармонии и — дальше в турне по Европе. В программе — Брукнер и Мусоргский. В промежутке между дневной репетицией и вечерним концертом маэстро дал эксклюзивное интервью нашему корреспонденту.

— Итак, маэстро, вы снова в Петербурге...

— К великому сожалению, очень не надолго, а я так люблю этот город.

— А что здесь для вас дороже всего — как говорится, самое заветное?

— Когда я приезжаю в Петербург, то стараюсь всеми силами улучшить минутку, чтобы пойти в Александро-Невскую Лавру к могилам гениев русской культуры, поклониться им и побеседовать с ними в атмосфере этого священного места. И первый среди них для меня — Мусоргский, создатель одной из самых моих любимых опер, "Бориса..."

Это название Аббадо повторял часто во время нашего разговора, самозабвенно улыбаясь своим сокровенным мыслям. Он говорил об этой опере так, как говорят о самой прекрасной мечте, которая родилась еще где-то в далеком детстве. "Ребенком будучи" слушал он старую пластинку с записью произведений Мусоргского, среди которых была и сцена коронации Бориса в исполнении Шаляпина, — "слушал и заслушивался"...

— Когда вы ставили "Бориса" в Ковент Гарден, то пригласили Тарковского. Вам хотелось работать над ней именно с русским режиссером?

— Конечно. Кстати, до этого я уже ставил ее в Ла Скала с другим известным русским режиссером — Юрием Любимовым, который тоже очень любит это произведение.

— Вам нравятся режиссеры-авангардисты?

— Мне нравятся хорошие режиссеры, это будет точнее...

В опере, безусловно, первостепенное значение имеет музыка. Но в то же время опера — это спектакль, сценическое действо. Режиссер, создавая его, должен понимать и чувствовать ту музыку, которую ему придется раскрывать и найти соответствующие средства для того, чтобы получился гармоничный спектакль, в котором все параметры составляли бы единое целое. Из наших выдающихся режиссеров я очень любил Лукино Висконти. У нас получили большое признание его постановки опер Верди — в особенности "Травиату" и "Трубадура". Мне очень хотелось поставить вместе с ним в Ла Скала "Симона Бокканегру", но, к сожалению, Висконти тяжело заболел и вскоре умер. И эту оперу я поставил вместе с Джорджо Стрелером.

Я всегда любил творчество Андрея Тарковского. Мне казалось, что тема трагедии Пушкина и оперы Мусоргского ему очень близка, и я не ршился. Андрей всей душой был русский человек, который очень любил Россию, глубоко чувствовал ее историю и все происходящие в ней процессы и потому с помощью точной и глубокой символики смог найти сценическое решение гениальной музыки Мусоргского. Этот спектакль в Ковент Гарден имел очень большой успех, а затем был показан в Венской опере, которой я тогда руководил. Более того, в Вене была устроена ретроспектива фильмов

Тарковского и выставка его рисунков (я даже не уверен, знают ли в России, что Тарковский был еще и художником)...

— Вы наверняка знаете, что спектакль "Борис Годунов" Тарковского был перенесен также и на сцену Мариинского театра.

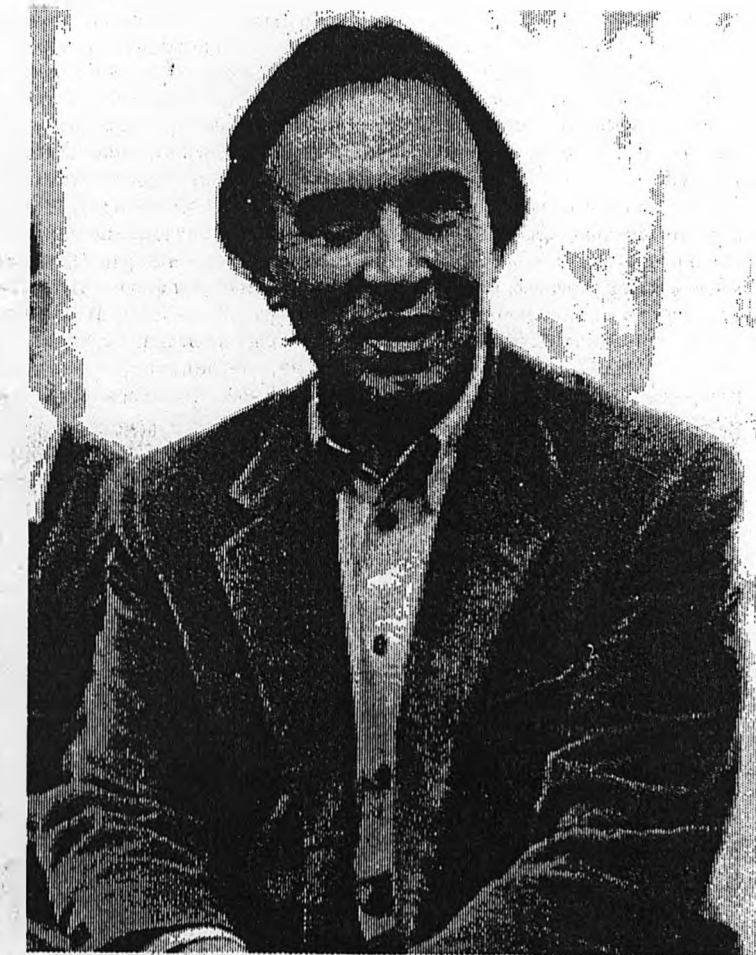
— Конечно, знаю. Я видел его по трансляции и был очень рад и очень благодарен Валерию Гергиеву за эту инициативу. Могу предположить, что по многим причинам сделать это было нелегко. Но как бы то ни было, по-своему замкнулся круг и последнее произведение Тарковского уже после его смерти вернулось на родину. И именно Петербург принял его, за что я бесконечно благодарен этому городу.

— Мне кажется, что и вы тоже в вите своей судьбы, связанной с "Борисом Годуновым", чувствуете некую незавершенность и, чтобы испытать полное удовлетворение, еще один глоток воздуха вам просто необходимо...

— Я тоже это чувствую и мне очень бы хотелось продирижировать этим спектаклем в Петербурге, на сцене Мариинского театра.

— Маэстро, в течение многих лет вы руководили Ла Скала, а затем Венской оперой и вот внезапно перешли на чисто концертную деятельность. С чем это связано?

— Видите ли, мне не хотелось бы ставить вопрос так категорически. Ну, в первых, каждый дирижер все время мечтает о симфоническом оркестре, где он может полнее выразить себя. Кроме того, в жизни артиста существуют разные виды творчества. Я, например, по-прежнему люблю фортепиано. И вообще, творческая жизнь должна быть разнообразной.



— Риккардо Мути, нынешний руководитель Ла Скала, пригласил вас поставить в 1994 году "Севильского цирюльника". Как вы отнеслись к этому предложению?

— Риккардо Мути — прекрасный музыкант и я очень рад нашему творческому контакту. Остальное покажет будущее.

Концерт закончился. Маэстро буквально утонул в шквале аплодисментов. Последняя улыбка на прощание и трепетно произнесенное название "Борис, Борис..."

Будем ожидать в Мариинском театре его "Бориса"...

Беседовала
Светлана СЛИВИНСКАЯ
Фото Владимира ГРИГОРОВИЧА